

Л.А. КОЗЛОВА, А.А. ПЕТРОВА

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РЕФЛЕКСИВНОСТЬ И ЕЕ ИЗМЕРЕНИЕ: АНАЛИЗ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛОГИ- ЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ» ЗА 2007 ГОД

Постановка проблемы

Одно из слабых мест современной российской социологии — недостаточная теоретико-методологическая обоснованность данных и объяснительных схем. Можно говорить о широкой распространенности стиля социологической деятельности, который не включает в качестве обязательного элемента анализ используемых теоретических средств. В предельном случае такие средства вообще не применяются. Теория не признается частью исследовательского процесса. Очевидно, что существующая ситуация требует изменения. Ведь работа на любом этапе исследования, не только теоретического, но и эмпирического, зависит от понятийного аппарата и концептуальных схем, то есть всегда нуждается в теоретическом обосновании. Одно из условий развития теоретико-методологического уровня исследований — рефлексивное отношение к теории. Исследование, результаты которого представлены в статье, посвящено проблематике концептуальной рефлексивности в российской социологии; объект исследования — социологический дискурс. Предварительно мы определили бы данное понятие так: это самоосмысление научного дискурса в отношении категориального аппарата, абстрактных моделей, теорий, при помощи которых описываются и упорядочиваются эмпирические данные, обосновываются теоретические суждения.

Распространено заблуждение, что теория — предмет заботы исключительно теоретиков и историков социологии. Специалисты же,

Козлова Лариса Алексеевна — канд. филос. наук, зав. сектором социологии науки Института социологии РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Институт социологии РАН. **Телефон:** (499) 120–82–57. **Электронная почта:** LarissaKozlova@yandex.ru

Петрова Александра Анатольевна — специалист социологической лаборатории ОАО «Первый канал», аспирант сектора социологии науки Института социологии РАН. **Адрес:** 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, Институт социологии РАН.

Телефон: (499) 120–82–57. **Электронная почта:** sentjabr@yahoo.com
Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта «Научоведческий анализ теоретико-методологических ориентаций российских социологов в постсоветский период», грант № 07-03-00188а.

занимающиеся эмпирическими и прикладными исследованиями, свободны от какой-либо теоретической рефлексии, не обязаны применять теоретический аппарат к своим исследованиям и тем более пересматривать его под собственные данные. Это ценностное заблуждение, похоже, нашло закрепление в этосе российской социологии и негативно влияет на характер научного производства. В качестве реакции на сложившуюся ситуацию начиная с 1990-х годов время от времени появляются критические публикации известных авторов. В интервью по итогам III Всероссийского социологического конгресса Л.Д. Гудков говорит: «...уровень российской социологии мне кажется довольно серым, никаких принципиальных достижений ни в теоретическом, ни в эмпирическом плане у нас нет» [7].

Еще в 1999 г. появилась вызвавшая немало откликов статья А.Ф. Филиппова о том, что «теоретической социологии в современной России нет» [15, с. 87]. Кому-то такое заявление показалось слишком резким, кто-то, возможно, почувствовал едва ли не личную обиду. Впрочем, оговорки, которыми сопровождалось заявление, его сильно смягчали: «Нет обширных и постоянных коммуникаций, тематизирующих, прежде всего, фундаментальную социологическую теорию, нет обширных концептуальных построений (разветвленной теории), нет достаточно самостоятельных последователей (во всяком случае, круга последователей) какой-либо признанной западной школы, нет и заметных претензий на создание своего собственного большого теоретического проекта» [15, с. 87]. Всего этого действительно не было и по сию пору нет. Но если «обширные и постоянные коммуникации», а также «заметные претензии» — все-таки условия некоторого изобилия и даже избытка, то Гудков заявлял об отсутствии элементарного: «Результатом такого состояния стала интеллектуальная невозможность постоянной, черной, но крайне необходимой работы по анализу понятийного инструментария, которым оперируют социологи» [8, с. 315]. Если такой работы нет, каким образом отбираются и анализируются данные? Как исследователи делают выводы?

На наш взгляд, оба автора характеризуют отсутствие рефлексивности, и в частности концептуальной, в российской социологии. Это понятие может дать теоретические рамки, стать отправной точкой не только для оценочного осмысления ситуации, но и ее исследования средствами самой социологии.

Как определить и операционализировать понятие «рефлексивность»? Возможно ли ее измерение? Поток публикаций с ключевым словом «рефлексивность» в социологии стал сколько-нибудь заметным уже в 1980-е годы [например 20, 22, 23, 27, 32, 33, 41] и, судя хотя бы по докладам на Мировом социологическом конгрессе в Дурбане (2007 г.) и Европейском — в Барселоне (2008 г.), не прекращается по

сей день. Однако нельзя сказать, что здесь достигнута какая-либо определенность. Под рефлексивностью в социологии понимают совершенно разные вещи. Есть «рефлексивность» — важнейшее свойство общества Высокого или позднего Модерна — у Э. Гидденса [29, 30], С. Лэша [34], У. Бека [14, 21] и др., есть внимательно проработанная проблематика «рефлексивности» в лумановском социологическом проекте [35]. Имеется понятие «рефлексивность» социологических работ у П. Бурдьё и его школы [24, 25]. «Рефлексивность» — одна из ключевых проблем и в то же время методологический принцип во многих программах социологии научного знания [20; 27, 32, 33; 28, 37, 39]. Социология может быть «рефлексивной» в противовес «инструментальной» — в понимании Майкла Борового [26]. Можно ли сказать, что все эти употребления понятия имеют общие основания? Каким должен быть смысл этого понятия в применении к самому социологическому знанию?

Ответ предполагает такое определение рефлексивности, которое увязывало бы ее с соответствующим пониманием общества, с одной стороны, и социологии как важнейшего средства познания общества, — с другой. При ином подходе разработка понятия рефлексивности превращается в словарно-энциклопедическую деятельность, не дающую сколько-нибудь целостного понимания предмета. Примером такого исследования можно считать монографию Малькольма Эшмора «Рефлексивный тезис» [20], представляющую собой множество распределенных по алфавиту словарных статей о разных типах, формах и интерпретациях этого понятия. К подобному результату пришел и Майкл Линч [36]. В классификацию британского социолога вошли следующие типы рефлексивности: *механическая* (включающая и «рефлексивность» коленного рефлекса, кибернетическую «петлю» обратной связи, и проч.); *субстантивная* (характерная для интерсубъективного конструирования социальной реальности); *методологическая* (сюда относятся философское самопознание, методологическое самосознание, самокритика или самоподтверждение); *метатеоретическая*, выражающаяся и в рефлексивной объективации¹, и, при разрушении фрейма, — разоблачении театральности в реальной жизни; и, наконец, *интерпретативная*. Отдельно от этих пяти типов Майкл Линч ставит *этнометодологическую* рефлексивность, отдавая ей предпочтение².

¹ Линч приравнивает рефлексивную объективацию к «беспристрастной гиперобъективности» [36, р. 50], что вряд ли предполагал П. Бурдьё, вводя данный термин [25].

² При всей широте охвата данной классификации непонятен ее принцип, в чем-то напоминающий «китайскую энциклопедию» Борхеса, где

Итак, рассматривая понятие «концептуальная рефлексивность», мы ставим перед собой задачи (1) определить особенности проявления рефлексивности в научном дискурсе; (2) построить некую теоретическую социологическую модель концептуальной рефлексивности; (3) в первом приближении найти для исследуемого понятия эмпирическое выражение и способы его изучения. Важно подчеркнуть, что мы будем опираться на следующие общие предпосылки: социология — это автономная и специфическая сфера общественной практики, особый способ познания; она ориентирована на научные идеалы, хотя и тесно связана с общественной жизнью. Социология будет рассматриваться в качестве дискурса об обществе, а методологией исследования, соответственно, станет анализ дискурса.

Рефлексивность как свойство социологического дискурса

В философской литературе чаще встречается понятие «рефлексия». В большинстве философских словарей рефлексия описывается как процесс или акт, целенаправленная *деятельность* [16, с. 410; 14, с. 164–165], в то время как под рефлексивностью мы подразумеваем некое *свойство*. Иными словами, при исследовании рефлексии мы изучаем деятельность, или *действия* — со всеми вытекающими отсюда последствиями, в первую очередь субъектностью и временной перспективой. Рефлексия в социологии — это деятельность представителей социологического сообщества в отношении самосознания и других самонаправленных актов. А рефлексивность в социологии — это в первую очередь *свойство* социологического дискурса (или его элементов), в котором рефлексия реализуется.

Но вернемся к субъектности и временной направленности рефлексии как целеполагающего действия. Традиционно и философия, и психология в первую очередь соотносят рефлексивность с индивидуальным сознанием. Современная социальная теория более озабочена рефлексивностью общества в целом, точнее определенного типа общества. В частности, Э. Гидденс писал об экстерниоризации рефлексивных способностей акторов и перенесении их на общественные институты, то есть об *институциональной* рефлексивности. Поскольку для Гидденса рефлексивность и рациональность неразделимы, институциональную рефлексивность он определяет как «институционализацию исследовательской расчетливой, калькулятивной установки по

«животные подразделяются на: а) принадлежащих Императору, б) баллазамированных, с) прирученных, d) молочных поросят, е) сирен, f) скаковых, g) бродячих собак, h) включенных в настоящую классификацию, i) буйствующих, как в безумии, j) неисчислимых, k) нарисованных тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти, l) только что разбивших кувшин, m) издали кажущихся мухами» и т. д. [цит. по 17, с. 28].

отношению к обобщенным условиям воспроизводства системы» [43, р. 2]. Иными словами, Гидденс определяет рефлексивность как основу для *самоконтроля* общества. Соглашающийся по ряду вопросов с Гидденсом Ульрих Бек, напротив, делает акцент на критической установке к переосмыслению, само-ревизии, то есть нацеленности на прошлое, хотя бы и с намерением от него уйти [5]. Оправданы оба варианта определения рефлексивности, расходящиеся только во временной направленности. Если для функции самоконтроля это настоящее и ближайшее будущее, то для само-ревизии — прошлое и, частично, настоящее.

Условно можно выделить три временные направленности, или функции рефлексии: прошлое и связанное с ним *самопознание*; настоящее и *самоконтроль, поддержание самоидентичности*³; будущее и *самоопределение*. В частности, рефлексивность в понимании П. Бурдьё — возможность автономного, самоопределяющего проектирования будущего сообщества (в том числе научного) или общества в целом.

Соответственно, рефлексивность как свойство научного дискурса в институциональном плане прежде всего предполагает дисциплинарно оформленные средства самопознания (в истории, логике и методологии науки, метатеоретических работах)⁴, тенденцию к стандартизации средств контроля за качеством научной информации, а также внутринаучную дискуссию о приоритетности тех или иных тем исследований. Выделение этих функций необходимо для понимания разнородности проявлений рефлексивности в разных типах публикационной активности в науке, разных «эшелонах совокупного научного текста».

Структура научного дискурса и связанные с ней типы рефлексивности. Концептуальная рефлексивность

Предваряя попытку измерить концептуальную рефлексивность на материале журнала «Социологические исследования», коротко остановимся еще на двух теоретических моментах, необходимых нам для эмпирического анализа. Первый момент — структура научного дискурса, второй — связанные с ней типы рефлексивности, включая концептуальную. Мы также остановимся на взаимосвязи этих типов.

³ Через постоянное определение и переопределение границ, позволяющих науке не превращаться в политику или религию.

⁴ В философии науки и логике рефлексивность часто сводится лишь к способности и склонности науки к самопознанию, в частности именно на ней фокусируется В.А. Бажанов в своей монографии «Наука как самопознающая система» [2], а также некоторые отечественные логики и исследователи науки в 1980-х годах [например 1, 6, 9, 10, 18].

Во всем многообразии определений понятия дискурса можно выделить их общие черты: (1) семиотическая (или уже — лингвистическая) природа, (2) организованность (что естественно для проявления любой знаковой системы), (3) привязанность к действию, практике со всеми вытекающими отсюда коннотациями и отсылками к романтической или марксистской философии языка. Собственно говоря, последнее свойство — одно из важнейших в модели, предложенной представителем французской школы исследования дискурса Мишеля Пешё [11, 31, 40]. Пешё предлагал разграничить три составляющих дискурса: *материальный базис*, или институционализацию; «внутренний порядок», или *интрадискурс*; отношения с другими дискурсами и дискурсивными формациями, или *интердискурс* [40, р. 144].

Институционализация, или *материальный базис* в этой схеме — первичная и относительно очевидная составляющая. Для научного дискурса материальный базис — вся социальная и материальная машинерия, связанная с изобретением и экспертизой, а также системой внутреннего контроля и передачей знаний — лаборатория, «поле», университет, академия и т. д. Рефлексивность научного дискурса, связанная с этой его составляющей, имеет непосредственное отношение к инструментарию производства научного знания. «Материальность» эта довольно условна, так как ни один научный инструмент исследования, сколь бы он ни был материален, не может быть научным без теоретического, концептуального обоснования. Можно выделить *институционализированные* проявления инструментальной рефлексивности, вроде обязательного в некоторых журналах раздела, где приводится методика исследования, а также *неинституционализированные* и необязательные, связанные в текстах с личной инициативой авторов⁵.

Различие *интра-* и *интердискурса* в большей мере является аналитическим, нежели субстантивным: и то и другое — языковые составляющие дискурсивной формации, и они неизбежно будут переплетены. Однако если интрадискурс как «внутренний порядок различий» — относительно «мирное сосуществование» знаков, то «между дискурсивными

⁵ Бытует мнение, что развитие методологии исследований не имеет отношения к рефлексивности: «...от научной рефлексии отличается методология науки как особая инженерная деятельность по формированию новых нормативов научного исследования» [6, с. 8.]. Однако, во-первых, «формирование новых нормативов» — деятельность, связанная с функцией самоконтроля в науке, что неизбежно, в нашем понимании, связывает ее с рефлексивностью. Во-вторых, предлагается вести речь о рефлексивности не конкретного ученого, или философствующего сознания, а о рефлексивности научного дискурса: наличие в нем данных об условиях его производства — свидетельство его (дискурса) рефлексивности.

системами существуют... отношения, построенные на силе» [3, с. 537], именно интердискурс связан с границами и автономией науки.

В отношении интрадискурса и интердискурса важно выделить *план выражения и план содержания*. Условно это соответствует соотношению в науке коммуникативной и концептуальной структур, так как и порядок «внутренних» различий, и взаимоотношения с «внешними» дискурсивными образованиями двойственны. Соответственно, в связи с каждым планом проявления, в первую очередь, интрадискурса науки должны возникнуть соответствующие типы рефлексивности. На уровне коммуникаций в науке возникает направление рефлексии по поводу организации самих коммуникаций, или *коммуникативная рефлексивность*. Речь идет и о личных, и об институциональных стратегиях и тактиках презентации результатов, нацеленных на оптимизацию научных коммуникаций. «Рефлексивные» элементы, появляющиеся как результат такой деятельности, — это ориентиры, которые должны помочь «правильнее» воспринимать ту или иную информацию, вызывать доверие и т. п. Это название, подзаголовки и резюме в начале текста (abstract), помогающие правильно классифицировать данный текст и решать, стоит ли его читать (слушать) целиком или частично. Это рубрикация и весь справочный и библиографический аппарат — своеобразная самолокализация текста в дискурсивном пространстве науки.

Концептуальной рефлексивностью мы будем называть рефлексивность научного дискурса в отношении содержания научного знания — идеальных объектов — понятий, абстрактных моделей, теорий. Важно отметить, что этот тип рефлексивности на практике тесно связан с двумя другими. С *инструментальной* (материальной) коммуникативная рефлексивность связана постольку, поскольку любой измерительный инструментарий, условия наблюдения и экспериментирования неизбежно завязаны на определенной теории. С *коммуникативной* концептуальная рефлексивность связана потому, что структура коммуникаций в науке, различение школ, подходов всегда отчасти или полностью отражают различия концептуальные. В идеале они могут практически совпадать, но в некоторых случаях расходятся. Например, при статусном цитировании, связанном не со смысловой необходимостью, а с распределением престижа в научном сообществе. Впрочем, вряд ли стоит принимать такие случаи за норму.

Соотношение теории, дискурса о теории и концептуальной рефлексивности

Поскольку концептуальная рефлексивность предполагает включение в дискурс элементов, связанных с самопознанием, самоконтролем и самоопределением в теоретическом плане, может возникнуть вопрос: не будет ли любое теоретизирование проявлением концептуальной рефлексивности? Иначе говоря, возникает вопрос о соотношении

концептуальной рефлексивности и теории в структуре научного дискурса в целом. Дать полный ответ на него в рамках небольшой статьи невозможно, так как существует огромный массив литературы — и философской, и логической, и чисто дисциплинарной, социологической, включающий разные представления о теории и способах оперирования ею [см. 42 и др.]. Поэтому остановимся только на нескольких наиболее важных, на наш взгляд, моментах.

Едва ли не единственным способом определения теоретического является его противопоставление эмпирическому. Одна из наиболее систематических работ на эту тему принадлежит Эрнесту Нагелю, выражавшему неопозитивистскую линию в философии науки. Сосредоточиваясь на проблемах логики естественных наук, он ориентировался преимущественно на дедуктивно-аксиоматическую стратегию работы с теорией и понятиями. Поэтому теория в его определении состоит из трех компонент: (1) абстрактного исчисления, набора постулатов; (2) набора правил, приписывающих эмпирическое содержание логическим схемам; (3) интерпретаций — концептуального и визуализируемого материала [38, р. 90–105]. За имеющей столь четкую и обязывающую структуру теорией может признаваться разный когнитивный статус — (1) истинное (или ложное) представление действительности, (2) вероятно истинное описание и (3) более или менее эффективный инструмент организации наших знаний [38, р. 106–154].

Частично противопоставляет теорию эмпирике и теоретик социологии Джеффри Александер, в предисловии ко всем четырем томам своей «Теоретической логики» описывающий науку (и социологию в первую очередь) как «многослойный континуум, простирающийся от наиболее общих, метафизических в своей основе пресуппозиций и моделей до более общих эмпирических допущений и методологических взглядов и, наконец, к эмпирически проверяемым пропозициям и “фактам”» [19, р. xviii], между которыми располагаются «общие пресуппозиции», «модели», «концепты, понятия», «определения», «законы», «сложные и простые пресуппозиции», «корреляции», «методологические допущения» и «наблюдения». Можно предположить, что теория должна включать часть этих «средних» компонентов, впрочем, не совсем ясно, где ее граница.

Однако чтобы не углубляться в узко логическую проблематику, в нашем случае для выделения концептуальной рефлексивности достаточно ограничиться указанием на абстрактный и идеализированный характер теоретических конструкций. В чем-то близок к такому относительно широкому пониманию теории В.С. Степин, исходящий в анализе структуры научного знания из такого представления об эмпирических и теоретических объектах, при котором «теоретические объекты, в отличие от эмпирических, являются идеализациями, “логическими реконструкциями

действительности”»⁶ [12, с. 103]. При анализе научных работ на предмет концептуальной рефлексивности описание всех этих выделяемых «теоретических» элементов можно будет отнести к признакам рефлексивности. Иными словами, маркером осознанной, самокритичной, то есть концептуально-рефлексивной научной работы, является наличие указаний на понимание статуса используемых понятий и теоретических схем, их происхождения, соотношения, связи с определенными эмпирическими объектами и т. п. Эти указания могут проявляться в стандартизированных формах, связанных с коммуникативной рефлексивностью, например в форме ссылок. Это могут быть и неформализованные рассуждения о теоретической обоснованности или логической последовательности своих или чужих работ.

Остается вопрос, любое ли рассуждение о теории, логике или понятиях — это проявление концептуальной рефлексивности научного дискурса? Почти всегда это так, может быть, за исключением тех редких случаев, когда за теорию автор невольно пытается выдать что-то другое, но даже и тогда это можно считать попыткой концептуальной рефлексии. Однако в таком случае это чисто формальная попытка — подчинение «правилам игры», которые диктуются условиями публикации, признания и т. п., или простая некомпетентность.

Хотя бы минимальный уровень концептуальной рефлексивности должен быть в любом научном исследовании, иначе его нельзя будет соотносить с имеющимся научным знанием, в котором большую роль играют именно теоретические объекты. Этот минимальный уровень — осознанная работа даже с заимствованными понятиями и теоретическими схемами. Тем более необходимо понимание ограничений и возможностей понятий и схем, если они вводятся самим исследователем. Более высокий уровень — теоретические работы, которые выполняют функцию концептуальной рефлексивности по отношению ко всему корпусу текстов дисциплины.

Собственно говоря, типы концептуальной рефлексивности во многом определяются тем, в каких видах научных публикаций они проявляются, то есть структурой «совокупного научного текста». Если исходить из модели «функционального эшелонирования совокупного научного текста» [4], в идеале перемещение научного результата, знания из одного эшелона в другой определяется системой внутренней научной экспертизы, предъявляющей неодинаковые требования к типу и уровню рефлексивности для статьи и монографии, учебника и энциклопедии. Все элементы самоописания (инструментального, ком-

⁶ Степин идет к более детальному анализу, выделяя фундаментальную и частные теоретические схемы, эмпирические схемы, «приборные ситуации», что здесь уже не столь важно.

муникативного и концептуального) оказываются своего рода первичными «пропусками» для перемещения к большему воспризнанию научного текста.

Измерение концептуальной рефлексивности

Данные и методика анализа. Описанные представления о концептуальной рефлексивности и ее измерении мы попытаемся применить в эмпирическом анализе. В качестве материала выбран журнал «Социологические исследования» — как наиболее массовое и в то же время академическое (поддерживаемое РАН) издание. Отобраны статьи за 2007 год, представленные в электронном виде на официальном сайте журнала⁷.

Фиксировались следующие переменные, характеризующие статьи: объем статьи в страницах; автор; название; раздел и номер журнала; цитирование классиков социологии (наличие ссылок и авторы); цитирование современных западных теоретиков социологии⁸; цитирование отечественных социологических работ, идентифицируемых как теоретические; цитирование философов; ссылки на работы из других дисциплин; наличие и количество «теоретических фрагментов».

Проблемы идентификации фрагментов. Существуют две возможности идентифицировать тот или иной фрагмент как теоретический. Первая — внимательно вычитывать все тексты и затем с большей или меньшей субъективностью определять их как «условно теоретические». Второй путь — принять какой-либо явный маркер — обычно лексический или грамматический, и уже из отобранной базы исключить фрагменты, которые при соблюдении внешних условий оказались не вполне релевантными. Мы выбрали второй вариант.

Еще один вопрос касается определения границ фрагментов. Можно ориентироваться на синтаксические границы (предложение, абзац и т. п.) или искать границы смыслового единства, что предполагает некоторый субъективизм. Мы ориентировались на формальный признак — границы предложения.

Выбраны пять лексических маркеров для отбора фрагментов, признаваемых «условно теоретическими». Это корни «теор», «концеп», «понят(и)», «термин» и «категория(и)» (см. связь данных маркеров с конкретными словами в табл. 1). Легко предположить, что в текстах могут быть отдельные высказывания о теории, теоретическом,

⁷ См. URL: <<http://www.isras.ru/socis.html>>. Дата обращения 10.09.2008. На сайте есть 282 из 300 публикаций, имеющих в печатной версии.

⁸ Мы пытались фиксировать все ссылки, относящиеся к исторически значимым для социологии авторам, и приводим далее статистику по ссылкам в единой таблице.

понятиях, концептуальном, категориях и при отсутствии таких маркеров. Однако большую часть высказываний, связанных с теми или иными проявлениями концептуальной рефлексивности, можно идентифицировать именно таким образом.

Таблица 1

Лексические маркеры и слова, включающие их в свою структуру

маркер	слова
«теор»	теория, теоретический, теоретизирование, теоретик, теоретико (методологический), теоретичность
«концеп»	концепция, концептуальный, концептуальность, концептуализировать, концепт
«поняти»	понятие, понятийный
«термин»	термин, терминологический, терминализированный, терминализация исключаются: (1) детерминированный, детерминанта, детерминирование, (2) терминальный (в противовес инструментальному — например, о ценностях)
«категории»	категория, категоризация, категориальный, категоризировать исключается: категоричный

Получена база с данными о 282 статьях и 2235 фрагментах, идентифицированных как «условно теоретические». Далее мы выделили группы статей и фрагментов на основании переменных, связанных с концептуальной рефлексивностью.

Результаты анализа. При кластерном анализе массива статей в SPSS по переменным «количество ссылок на теоретические работы» и «количество фрагментов о теории» четко выделяются две группы статей: 1) вообще без ссылок и почти без фрагментов и 2) со ссылками и фрагментами — в количестве равном или более единицы. Промежуточные варианты со статистической достоверностью не выделяются. Большая часть предлагаемых «зависимостей» довольно условна и получена посредством самых простых операций — вычисления средних, группировки и т. п. без подсчета показателей надежности.

Общая статистика по цитированию. Как отмечалось, более половины, то есть 151, анализировавшихся статей, не имеют ссылок на работы, которые можно считать теоретическими. Если анализировать распределение типов выделенных ссылок⁹ по разделам журнала, то более-менее значимым оно оказывается только для раздела «Теория. Методология» (табл. 2). Тут более всего цитируются и классики социологии, и современные авторы, связанные с социологической теорией (зарубежные и отечественные), и современные философы, и представители смежных дисциплин.

⁹ Типы ссылок: социологическая классика, современные западные теоретики социологии; современные отечественные авторы, пишущие о теории социологии; философия до середины XX века, современные философы (с середины XX века), ссылки на работы из других дисциплин.

Таблица 2

Распределение статей с различными типами «теоретических ссылок» по тематическим разделам журнала

Названия разделов	Типы теоретических ссылок							Всего статей в разделе
	Классика социологии	Современная западная теория.	Современная отеч. теория	Философия 1-й пол. XX века	Философия 2-й пол. XX века	Логика и философия науки	Другие дисциплины	
Академическая трибуна	0	1	0	1	0	0	1	4
Военная социология	0	0	0	0	0	0	1	4
Демография. Миграции	0	1	1	0	0	0	2	9
Дискуссии. Полемика	2	3	2	1	2	0	2	4
Интервью	1	0	0	0	0	0	0	2
История социологии	5	2	1	2	1	0	0	7
К итогам XVI Всемирного социол. конгресса	0	2	2	1	0	0	0	3
Кафедра. Консультации	0	0	0	0	0	0	1	6
Книжное обозрение	6	5	5	1	1	2	5	20
Методы социологических исследований	2	0	0	1	0	0	1	4
Мониторинг. Социология молодежи	0	1	1	0	1	0	1	5
Научная жизнь	2	1	5	0	0	0	1	21
Первые шаги	2	1	1	1	3	0	1	8
Политическая социология	1	3	1	4	2	0	2	11
Размышления над новой книгой	1	1	1	1	0	0	0	6
Социальная политика	0	1	1	0	0	0	2	5
<i>Соц. политика и реформы глазами россиян</i>	0	0	0	0	0	0	0	2
Социальная политика. Соц. структура	2	2	0	0	2	0	1	7
Социологическая публицистика	1	1	1	0	0	0	1	1
Социология здоровья и медицины	0	0	0	0	0	0	0	8
Социология культуры	3	3	2	1	3	0	0	6
Социология массовых коммуникаций	2	4	1	0	2	0	1	6
Социология молодежи	1	2	0	0	1	0	2	8
Социология науки	0	0	1	1	0	1	0	2
Социология образования	0	0	0	1	1	0	1	4
<i>Социол. образования. Будущее универ-тов</i>	0	0	0	0	0	0	0	2
Социология права. Девиации	2	0	1	0	0	0	1	6
Социология религии	4	0	1	1	2	0	1	10
<i>Социология села</i>	0	1	0	0	0	0	0	9
<i>Социология семьи</i>	0	0	0	0	0	0	0	4
Социология семьи. Гендерные исследования	0	0	1	0	0	0	1	3
Социология туризма	0	1	0	0	0	1	0	2
Социология управления	3	3	2	1	1	0	2	15
Социология физкультуры и спорта	1	1	0	0	0	0	0	2
Теория. Методология	15	17	13	1	5	3	6	20
Учредит. съезд Союза социологов России	1	0	1	0	0	0	1	1
Факты. Комментарии. Заметки	3	2	4	0	1	0	0	16
Экономическая социология	2	3	2	1	5	0	3	13
Экосоциология	1	0	0	0	0	0	1	4
Этносоциология	1	2	1	1	0	0	1	12
Всего	64	64	52	21	33	7	43	282

Значительно реже ссылаются на классику авторы, опубликованные в разделах «История социологии» и «Книжное обозрение». В последнем

можно найти сколько-нибудь значимое число ссылок на современную социологическую теорию, а также другие дисциплины. Для остальных разделов журнала ссылки на теоретические работы — редкость. Имена современных отечественных авторов, занимающихся проблемами теории, появляются относительно часто в разделе «Научная жизнь» при упоминаниях об участии в научных мероприятиях.

По сравнению с другими типами ссылок более «востребованы» ссылки на современных западных теоретиков социологии. Чуть менее распространены ссылки на классиков социологии и отечественных авторов, занимающихся теорией. Далее идет тип ссылки, который наиболее спорен в плане его отнесения к «теоретическому» — междисциплинарный, так как сюда, в частности, попадает много работ по психодиагностике, использующихся как основа для построения массовых — «социологизированных» — методик исследования (см. табл. 3). Следующий по популярности вид ссылок — современная философия, наиболее представленная французским постструктурализмом (см. табл. 4). Скорее редкостью можно считать ссылки на философские работы, вышедшие до середины XX века, а также ссылки на публикации по философии и логике науки. Даже столь популярный еще некоторое время назад Кун почти не упоминается, при том что «парадигма» и «полипарадигмальность» — понятия довольно расхожие для отечественного социологического дискурса.

Таблица 3

Распределение статей, имеющих ссылки на различные дисциплины

Дисциплина	Количество статей, где есть междисциплинарные ссылки
психология, психодиагностика, психопатология	29
системные исследования, синергетика	8
экономические дисциплины ¹⁰	7
антропология	3
исторические дисциплины/политология	4
биология/физика/химия	3
Всего	54

Авторы ряда разделов фактически не делают «теоретических» ссылок: это «Социология села», «Социология семьи» (не путать с «Социологией семьи, гендерными отношениями»), «Социальная политика и реформы глазами россиян», а также «Социология образования. Будущее университетов» (табл. 2).

Междисциплинарные ссылки присутствуют в 14,5% публикаций за 2007 год, причем в части из них есть ссылки на работы в нескольких

¹⁰ Включая менеджмент и маркетинг, а также публицистические работы известных экономистов (например Дж. Стиглица).

пограничных (или очень отдаленных) отраслях научного знания (табл. 3). Конечно, тут нет эталонов, но представляется, что это довольно высокий уровень проницаемости междисциплинарных границ, но исключительно — с психологией.

После психологии с большим отрывом идут синергетика и теория систем. Частота «экономических» ссылок почти полностью объясняется междисциплинарным взаимодействием, а то и слиянием социологии управления с менеджментом и маркетингом.

Среди современных философов, как отмечалось, чаще цитируются французские постструктуралисты — Ж. Бодрийяр, Ж. Делез, М. Фуко (табл. 4). Интересно, что ссылки неплохо группируются по оси «левые» — «правые, консерваторы», причем с довольно выраженными крайними флангами.

Таблица 4

Ссылки на философов

Авторы философских работ 1-й половины XX века	Кол-во статей со ссылками на автора	Авторы философских работ 2-й половины XX века	Кол-во статей со ссылками на автора
Ленин В.И. ¹¹	4	Бодрийяр Ж.	5
Бердяев Н.А.	3	Хантингтон. С.	4
Дьюи Дж. / Кроче Б./	10*	Тойнби А.	3
Шпенглер О./ Шельски Х. / Макиавелли Н. /		Делез Ж.	2
Декарт Р. / Ясперс К. /		Бенхабиб С.	2
Гегель Г.-В. / Бергсон А. / Гелен А.		Дебор Г./Барт Р. / Бжезински З. (Brzezinski Z.) / Майнхоф У. / Лиотар Ф. / Рикер П. / Фуко М. / Деррида Ж. (Derrida J.) / Эко У. / Элиаде М. / Лефевр А. (Lefebvre H.)	14*
Всего	17		30

* *Примечание:* На каждого из перечисленных авторов имеются ссылки в одной из статей.

Ссылки по логике и философии науки проще перечислить через запятую, не выделяя в отдельную таблицу. Это упоминания по одному разу авторов: М.А. Розов, Г. Риккерт, Э. Гуссерль, В.С. Степин, К. Поппер, Т. Kuhn, В. Виндельбанд. Данный тип ссылок учитывался отдельно, так как представлялось, что он значим для идентификации признания в социологии «внешней» рефлексии [см. 6, с. 8], в отличие от «внутренней», на исследовании которой мы сосредоточились.

¹¹ Были сомнения в том, кодировать ли В.И. Ленина как философа, так как некоторые работы представляли собой исторические описания или политические манифесты. Однако появление данной фамилии как наиболее частотной (хотя бы и в таком масштабе) кажется знаковым. Из отечественных авторов до середины XX века фиксировался еще только П. Сорокин — в числе классиков социологии.

Ссылки на классику, которые можно найти в 21,33% статей (или в 64 из них), интерпретировать сложно (табл. 5). Здесь первое важное различие — простое упоминание и оформленная по всем правилам ссылка. В 98 случаях это просто упоминание, довольно часто «список классиков», в 90 — ссылка на конкретную работу. Упоминания имени М. Вебера и его работ соотносятся как 30:21, причем 3 ссылки — на немецкую и английскую версии непереведенного на русский «Хозяйства и общества». Если судить только по числу упоминаний К. Маркса, среди авторов «Социологических исследований» за 2007 год должно быть много марксистов. Однако в 14 случаях Маркс просто упоминался в числе «классиков социологии», что не доказывает его серьезного идейного влияния на авторов статей. Собственно говоря, ссылка на классиков «списком» не предполагает серьезной и скрупулезной работы с конкретными понятиями или теоретическими схемами. Цитация классики в таком виде мало способствует адекватной концептуальной идентификации работ, в которых она появляется, мало дает для понимания того, как сами авторы встраивают этих классиков в социологическую традицию, соотносят с социологическими школами и течениями.

С некоторыми поправками подтвердилось мнение Л.Д. Гудкова о наиболее цитируемых в отечественной социологии авторах, к которым он относит Э. Гидденса, Н. Смелзера, П. Бурдьё, У. Бека, З. Баумана и М. Кастельса [8, с. 317] (табл. 5). Гидденс — действительно самый цитируемый автор, но ссылки на его учебник скорее редкость. У нас получилось следующее распределение: из 26 статей, где есть ссылки на Гидденса, в 12 случаях это просто упоминания без оформления ссылки (часто вместе с другими западными социологами), 5 — ссылки на учебник, 22 — ссылки на его переведенные оригинальные работы, и 20 — ссылки на монографии Гидденса на английском языке. В отношении Смелзера ссылки почти все — на учебник, впрочем, их мало. Практически все авторы, оказавшиеся в «рейтинге», в свое время стали у себя на родине ядром школы, то есть имеют немало последователей, на которых можно было бы ожидать ссылок, но их обычно нет.

В отличие от ссылок на западных теоретиков и классику, большая часть ссылок на отечественные работы (табл. 6) — это не просто упоминания, тем более «списочные», они оформлены по всем правилам, это именно цитирование. Соотношение упоминаний и цитирования здесь 110 к 79. Причем большая часть упоминаний (29) относится к разделу «Научная жизнь»¹², это ссылки на прозвучавшие на конференциях доклады. Так что ссылки на отечественные работы по социологической теории — это в каком-то смысле более «сильные связи». Иными словами, связи с корпусом отечественных социологических текстов во многих статьях оказываются более содержательными. Это,

¹² В том числе к разделу «К итогам XVI Всемирного социологического конгресса».

вероятнее всего, говорит о реальной содержательной изолированности представленной в «Социологических исследованиях» отечественной социологии в плане рецепции западных идей.

Таблица 5

Ссылки на классиков социологии и современных западных теоретиков

Рей-тинг	Классики социологии	N*	Рей-тинг	Современные западные теоретики	N*
1	Вебер М. (Weber M.) ¹³	25	1	Гидденс Э. (Giddens A.)	26
2	Маркс К.	22	2	Штомпка П. (Sztompka P.)	13
3	Дюркгейм Э. (Durkheim E.)	17	2	Бурдьё П. (Bourdieu P.)	13
4	Сорокин П. (Sorokin P.)	16	3	Бауман З. (Bauman Z.)	11
5	Парсонс Т.	13	4	Хабермас Ю. (Habermas J.) / Луман Н. (Luhmann N.)	9
6	Бергер П.	9	5	Валлерстайн И. (Wallerstein E.) / Александр Дж. (Alexander J.)	7
7	Конт О. / Энгельс Ф.	7	6	Кастельс М. (Castells M.) / Ритцер Дж. (Ritzer G.)	6
8	Спенсер Г. / Лукман Т.	5	7	Бек У. (Beck U.) / Буравой М. (Burawoy M.) / Смелзер Н.	4
9	Теннис Ф. / Шютц А. / Маркузе Г. / Гоулднер А. / Зиммель Г. / Мертон Р. (Merton R.K.)	4	8	Дуглас М. / Урри Дж. (Urry J.) / Абельс Х. / Вивьерка М.	3
10	Мид Дж. Г. / Зомбарт В. / Гофман И. (Goffman E.) / Дарендорф Р. (Darendorf R.)	3	9	Маклюэн М. / Монсон П. / Тер- нер Дж. / Скотт Дж. / Элброу М. (Albrow M.)	2
11	Томас У. и Знанецкий Ф. / Козер Л. / Кули Ч.	2			
Всего		123			94

*N — количество статей со ссылками на автора

Таблица 6

Ссылки на отечественных авторов, пишущих о теории социологии

«Рейтинг»	Автор	N*
1	Тощенко Ж.Т.	15
2	Кравченко С.А.	8
3	Ядов В.А.	9
4	Лапин Н.И.	8
5	Заславская Т.И. / Горшков М.К.	6
6	Давыдов Ю.Н. / Осипов Г.В.	5
7	Девятко И.Ф. / Дробижева Л.М. / Здравомыслов А.Г.	4
8	Арутюнян Ю.В. / Качанов Ю.Л. / Романовский Н.В. / Татарова Г.Г. / Шкаратан О.И.	3
9	Батыгин Г.С. / Давыдов А.А. / Ионин Л.Г. / Кон И.С. / Крав- ченко А.И. / Радаев В.В. / Резник Ю.М. / Филиппов А.Ф. / Яницкий О.Н.	2

*N — количество статей со ссылками на автора

¹³ В скобках приводится фамилия на языке оригинала, если встречались ссылки на непереуведенные работы.

Общая статистика по текстовым фрагментам. Фрагменты, имеющие отношение к концептуальной рефлексии, идентифицировались по наличию в них пяти лексических маркеров (см. табл. 1). По этому основанию фрагменты разделились на пять частично пересекающихся групп, статистика по которым представлена в таблице 7.

Таблица 7

Статистика по пяти группам фрагментов

Лексический маркер	Число фрагментов, где есть маркер(ы)
«теор»	1033
из них только «теор»	863 (83,54%)
«теор» + «концеп»	86
«теор» + «поняти»	29
«теор» + «термин»	24
«теор» + «категори»	16
«теор» + «концеп» + «термин»	5
«теор» + «поняти» + «категори»	5
«теор» + «поняти» + «термин»	3
«теор» + «концеп» + «категори»	2
«концеп»	419
из них только «концеп»	288 (68,74%)
«концеп» + «поняти»	19
«концеп» + «термин»	10
«концеп» + «категори»	4
«концеп» + «поняти» + «термин»	4
«концеп» + «поняти» + «категори»	1
«поняти»	411
из них только «поняти»	316 (76,89%)
«поняти» + «термин»	18
«поняти» + «категори»	15
«поняти» + «термин» + «категори»	1
«термин»	230
из них только «термин»	155 (67,39%)
«термин» + «категори»	10
«категори»	300
из них только «категори»	246 (82%)
Всего фрагментов	2235

В выделенных на основании лексических маркеров фрагментах авторы чаще рассуждают о теории в общем плане, а не о ее «кирпичиках» вроде понятий, терминов и категорий (табл. 7). Иначе говоря, работа с понятиями в статьях эксплицируется слабо. При этом заметно, что группа текстовых фрагментов о «теории / теоретическом / теоретиках» является самой самостоятельной из пяти выделенных, то есть если автор пишет о теории, то более чем в 83% случаев это понятие прямо во фрагменте не соотносится явно ни с другими понятиями, ни с терминами, ни с категориями — как элементами теории. Гораздо менее «независимой»

оказывается группа фрагментов с маркером «концепции / концептов»¹⁴, причем примерно в 20% случаев понятия «концепция/концептуальное» сочетаются с понятиями «теория/теоретическое» и используются как синонимы. Вот пример такого словоупотребления: «Во многом на основе данных классических направлений во второй половине XX века возникли “постклассические” концепции “социального обмена” (П. Блау), “социальной сети” (Р. Эмерсон), “рационального выбора” (Дж. Коулмен), “психометрическая парадигма” (П. Словик, Б. Фишхофф, С. Лихтенштейн), “культурологическая теория риска” (М. Дуглас, А. Вилдавски), различные варианты масштабных теоретических доктрин (Э. Гидденс, Н. Луман, У. Бек и др.)» [фрагмент 0549]. Довольно часто во фрагментах, относящихся к первым двум кластерам, речь идет не о своих, а о чужих публикациях и исследованиях. Рассуждения о собственной теоретической позиции — большая редкость.

Еще менее «независимым» оказывается маркер «термин», однако тут совершенно иная ситуация. Наиболее частотное его совпадение с маркером «теории/теоретического», то есть здесь уже нет синонимичного словоупотребления. Можно предположить, что в таких фрагментах происходит соотнесение конкретных терминов и какого-то теоретического контекста, как, например, во фрагменте 1202: «Однако и в этих теориях Церковь остается в прежнем положении — выполняя функцию легитимации, интеграции, структурирования опыта, а ее описание производится в терминах “религиозного спроса”, “религиозного капитала”, “религиозного предложения”». Чаще всего, как и в данном фрагменте, речь идет о чужих теориях и терминах. Есть фрагменты и с абстрактными рассуждениями о терминах, но их немного. Вот пример: «“Умножаются” даже центральные социологические термины, которые в разных теоретических контекстах трактуются неоднозначно (например, понятие социальной структуры)» [фрагмент 1706].

Маркер «категорий» почти столь же изолирован, как и «теоретический»; впрочем, более чем в половине фрагментов (57,33%) говорится о «категории» как группе населения. К теории эти фрагменты можно отнести лишь условно. Однако мы не стали при кодировании исключать их из массива по двум причинам. Во-первых, среди них есть такие, которые говорят о реальной работе с понятиями, их переопределении, например, изменении уже как бы само собой разумеющихся классификаций и устоявшегося исследовательского инструментария. Во-вторых, даже при «затершемся» словоупотреблении

¹⁴ В этой группе фрагментов лексический маркер «концепт» встречается в основном в словах «концепция» либо «концептуальный», слово «концепт» встречается редко.

«категории» в смысле группы населения дискурс как бы хранит следы теоретической работы с этим словом, намек на проведенную когда-то (необязательно автором) классификацию.

Таблица 8

Количество фрагментов «дискурса о теории» на статью и на страницу статьи по разделам журнала

Раздел	Среднее число фрагментов на статью	Среднее число фрагментов на страницу статьи
Экосоциология	0,75	0,04
Социол. образования. Будущее университетов	1,00	0,07
Социология села	1,67	0,09
Социология образования	1,25	0,10
Социология права. Девиации	3,50	0,17
Социология здоровья и медицины	2,75	0,19
Социология семьи. Гендерные исследования	3,33	0,19
Соц. политика и реформы глазами россиян	5,00	0,21
Социология семьи	3,00	0,21
Демография. Миграции	3,33	0,22
Социология молодежи	3,75	0,23
Экономическая социология	5,67	0,25
Академическая трибуна	3,75	0,26
Социология науки	4,50	0,26
Кафедра. Консультации	2,67	0,27
Политическая социология	6,18	0,27
Социология массовых коммуникаций	5,67	0,27
Военная социология	5,25	0,28
Этносоциология	4,83	0,32
Учр. съезд Союза социологов России	6,00	0,33
Методы социологических исследований	9,00	0,38
Социология туризма	5,50	0,38
Социальная политика. Социальная структура	6,57	0,39
Первые шаги	5,00	0,40
Мониторинг. Социология молодежи	5,20	0,42
Социология управления	8,87	0,44
Социология культуры	7,83	0,47
Факты. Комментарии. Заметки	6,13	0,52
Научная жизнь	2,76	0,54
Социальная политика	11,60	0,57
Социология физкультуры и спорта	11,50	0,57
Размышления над новой книгой	9,17	0,58
Социология религии	8,10	0,65
Интервью	10,00	0,92
Дискуссии. Poleмика	23,25	1,07
Книжное обозрение	7,15	1,23
К итогам XVI Всемирного социол. конгресса	14,67	1,33
История социологии	22,28	1,52
Теория. Методология	29,30	1,92
Социологическая публицистика	26,00	2,89

Есть еще несколько типов фрагментов, которые лишь условно можно отнести к «дискурсу о теории». Это рассуждения о вненаучных теориях, концепциях и понятиях. Таких в массиве немало — более 10%¹⁵. Их также не стоит отбрасывать, так как их наличие свидетельствует либо об ориентации авторов на вненаучные источники (если речь шла не о научной, а о политической или правовой «концепции» — официальном документе), либо о попытках осмыслить эти вненаучные элементы.

Весомым результатом анализа фрагментов «дискурса о теории» могла бы стать их классификация или типология. Но ни с теоретическими стратегиями, идентифицированными в «Аналитическом теоретизировании» Дж. Тернера [13], ни с элементами структуры научного знания у Э. Нагеля [38] или В.С. Степина [12], ни с другими известными из литературы типологиями выделенные фрагменты прямо и однозначно не соотносятся. Сложно их разбить и в соответствии с более простыми схемами. Даже элементарное деление фрагментов на соотношенные либо с чужими для автора, либо со своими теоретическими и понятийными построениями более чем условно. Хотя бы потому, что любое описание чужой теории может быть вкладом в построение концептуальной составляющей собственного исследования.

Мы проанализировали, как соотносится «дискурс о теории и ее элементах» со структурой дисциплины, которая в журнале представлена его разделами (см. табл. 8).

Разделы журнала в таблице расположены по возрастанию предложенного нами показателя — среднего числа «теоретических» фрагментов на страницу статьи. Разделы можно условно поделить на «околотеоретические» и «отраслевые», причем в первую группу попадают «Теория. Методология», «История социологии», публикации «К итогам XVI Всемирного социологического конгресса», где обсуждалось состояние теории в современной социологии. В эту же группу в идеале должен входить раздел «Методы социологических исследований», однако по нашим показателям он ближе к отраслевым статьям. Впрочем, и в отраслевых разделах есть порядка 15 статей, по показателю «среднее число теоретических фрагментов на страницу статьи» более близких к «околотеоретическим».

В большинстве отраслевых статей «теоретические фрагменты», показывающие осознанное, рефлексивное отношение авторов к теории и ее логическим кирпичикам — понятиям, категориям, концептам — появляются в среднем один раз на 4–7 страниц текста. И даже

¹⁵ Вместе с фрагментами, где «категория» означает группу населения, таких условно нерелевантных высказываний набирается почти 20%.

в «околотеоретических» разделах таких фрагментов в среднем меньше чем два на страницу текста, что вряд ли можно считать высоким показателем.

Основываясь на анализе статей журнала «Социологические исследования» за 2007 год, мы пришли к некоторым выводам:

— Более чем в половине проанализированных статей нет ссылок на теоретические работы. Причем в большинстве отраслевых разделов наличие теоретических ссылок в статьях — редкое исключение. Статьи, в которых такие ссылки имеются, преобладают в разделах «Теория. Методология», «История социологии», «Академическая трибуна», «Методы социологических исследований» и еще в 2–3 отраслевых.

— Формальные показатели количества фрагментов «дискурса о теории» на статью и на страницу статьи по разделам журнала оказались невысокими как для отраслевых, так и для теоретических разделов.

— Особенности организации научного (социологического) дискурса позволяют фиксировать некоторые содержательные моменты, проявляющиеся независимо от воли автора. Примером такого непреднамеренного эффекта можно считать «списочное» упоминание классиков и западных теоретиков без внимания к содержанию их работ. Или же преобладание рассуждений о теории (теоретическом, теоретиках, концепциях, концептуальном) при незначительной доле отступлений, где эксплицируется работа автора с понятиями и терминами. Такие непреднамеренные эффекты можно выявить уже при относительно массовом количественном исследовании текстов.

— Признавая какой-то корпус текстов неререфлексивным, можно задать вопрос о характере или степени этого недостатка. Существует неререфлексивность разного рода. В некоторых случаях наличие отсутствия какого-либо теоретико-методологического рассмотрения и обоснования исследования, в других — рассмотрения и обоснования ограничений, нюансов, связанных с выбранным подходом.

Чтобы выявить второй тип неререфлексивности статей в исследуемом массиве, нужно было бы более детально разбирать подход каждого из авторов, а мы лишь зафиксировали некоторые статистические характеристики текстов. Соответственно, мы могли столкнуться только с первым типом неререфлексивности. И, к сожалению, в большинстве текстов он проявляется, то есть отсутствуют даже попытки авторов эксплицировать теоретическую работу в своем исследовании. Второй тип неререфлексивности автоматически вытекает из первого.

— Так как рефлексивность связана с поддержанием самоидентичности и автономии научного (социологического) дискурса, отказ от использования (хотя бы формального) маркеров встроенности отдельных статей в корпус научных текстов на уровне теории означает

размывание границ научности, по крайней мере, в плане работы с идеальными объектами — теорией, концепциями, понятиями и т. п.

— Попытки «измерить» концептуальную рефлексивность сталкиваются с рядом серьезных проблема. Так, отсутствуют очевидные стратегии по «отсеиванию» побочных эффектов, — в частности связанных со стремлением авторов как можно успешнее презентировать свою публикацию, — от маркеров самоидентификации авторов в концептуальном плане. Концептуальная рефлексивность, как мы ее понимаем, пока не имеет в научном дискурсе институционализированных форм, в отличие от инструментальной и коммуникативной. В основе этих типов рефлексивности — устоявшиеся стандарты, которые проявляются в виде системы цитирования, реферирования, поиска по заголовкам и резюме (abstract), разделов о методе исследования в публикациях, основанных на эмпирических данных, и всей системы контроля качества и стандартизации научной информации. Так что если какие-то требования к теоретической рефлексивности научных текстов и существуют, то неявно. Чем, собственно говоря, и можно объяснить разноречивость в «теоретической экипировке» статей, в том числе в исследованном массиве.

— Наконец, очевиден вывод, что *институциональные формы концептуальной рефлексивности социологического дискурса*, то есть требования к созданию публикаций в их теоретико-методологической составляющей, пока не сформировались (причем не только в отечественной, но и в западной социологии) и что в этом есть необходимость. Формирование таких норм исследовательской деятельности в социологии может способствовать повышению ее теоретической культуры, а значит и качества социологического знания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев Н.Г., Ладенко И.С.* Направления изучения рефлексии. Вместо предисловия // Проблемы изучения рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука, 1987. С. 3–12.
2. *Бажанов В.А.* Наука как самопознающая система. Казань: Изд-во Казанского университета, 1991.
3. *Барт Р.* Война языков // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика; Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. С. 535–540.
4. *Батыгин Г.С.* Производство научного знания // Содержание социально-гуманитарного образования в меняющемся мире: междисциплинарный подход: Материалы Южно-Российской научно-методической конференции, 26-28 мая 2000 г. / Кубанский госуниверситет; Институт «Открытое общество». Краснодар, 2000.
5. *Бек У.* Общество риска: на пути к другому Модерну / Пер. с нем. В. Седельникова, Н. Федоровой; Послесл. А.Ф. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

6. *Борисов В.Н.* Рефлексия в науке: гносеологическая природа, формы, функции // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983. С. 7–13.
7. *Гудков Л.* «Наша нынешняя социология — это компьютер на телеге». Интервью Л. Брусяк с Л. Гудковым [online]. Дата обращения 18.11.2008. URL: <<http://www.polit.ru/analytics/2008/11/13/gudkov.html>>.
8. *Гудков Л.Д.* О положении социальных наук в России // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. С. 314–339.
9. *Лекторский В.А.* Диалектика рефлексивного и нерефлексивного в познании // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983. С. 5–7.
10. *Огурцов А.П.* Альтернативные модели анализа сознания: рефлексия и понимание // Проблемы изучения рефлексии. Современные комплексные исследования. Новосибирск: Наука, 1987. С. 13–19.
11. *Пеше М.* Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. Пер. с фр. с португ. / Общ. ред. П. Серию. М.: Прогресс, 1999. С. 291–301.
12. *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: «Прогресс-Традиция», 2000.
13. *Тернер Дж.* Аналитическое теоретизирование / Пер. с англ. А.Д. Ковалева // Теория общества. Сборник. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. С. 103–156.
14. *Филатов В.П., Мещеряков Б.Г., Степанов С.Ю., Бажанов В.А.* Обсуждаем статью «Рефлексия» // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. VII. № 1. С. 165.
15. *Филитов А.Ф.* Теоретическая социология // Теория общества. Сборник. М.: «Канон-пресс-Ц», «Кучково поле», 1999. С. 7–34.
16. *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986.
17. *Фуко М.* Слова и вещи: археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В.П. Визгина и Н.С. Автономовой. СПб: А-сэд, 1994.
18. *Юдин Б.Г.* К вопросу об эволюции форм самосознания науки // Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983. С. 15–19.
19. *Alexander J.C.* Theoretical logic in sociology. Vol. 4. The modern reconstruction of classical thought: Talcott Parsons. Berkeley: University of California Press, 1984.
20. *Ashmore M.* Reflexive thesis: Writing the sociology of scientific knowledge. Chicago, IL: The University of Chicago Press, 1989.
21. *Beck U.* The Reinvention of politics: Toward a theory of reflexive modernization // Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive modernization: Politics, Tradition and aesthetic in the modern social order. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 1–55.
22. *Bell C., Newby H.* Narcissism or reflexivity in modern sociology // Polish sociological bulletin. 1981. Vol. 53. No. 1. S. 5–19.
23. *Blum A., McHugh P.* Self-reflection in the arts and sciences. Atlantic Highlands (N.J.), 1984.
24. *Bourdieu P.* In other words: Essays toward a reflexive sociology. Stanford: Stanford University Press, 1990.
25. *Bourdieu P., Wacquant L.J.D.* An invitation to reflexive sociology. Cambridge: Polity Press, 1996.

26. *Burawoy M.* 2004 Presidential address: For public sociology // *American Sociological Review*. February 2005. Vol. 70. No. 1. P. 4–28.
27. *Doran C.* Jumping frames: Reflexivity and recursion in the sociology of science // *Social Studies of Science*. 1989. Vol. 19. No. 3. P. 515–531.
28. *Fuller S.* The reflexive politics of constructivism // *History of the Human Sciences*. 1992. Vol. 7. No. 1. P. 87–93.
29. *Giddens A.* Living in a post-traditional society // Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetic in the modern social order*. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 56–109.
30. *Giddens A.* *New rules of sociological method: A positive critique of interpretative sociologies*. Cambridge: Polity press, 1997.
31. *Goodrich P.* *Legal discourse: studies in linguistics, rhetoric, and legal analysis*. London: Macmillan, 1987.
32. *Gruenberg B.* The problem of reflexivity in the sociology of science // *Philosophy of the Social Sciences*. 1978. Vol. 8. No. 4. P. 321–343.
33. *Knowledge and reflexivity: New frontiers in the sociology of knowledge / Ed. by S. Woolgar*. London, Newbury Park: Sage Publications, 1988.
34. *Lash S.* Reflexivity and its doubles: Structure, aesthetics, community // Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive modernization: Politics, tradition and aesthetic in the modern social order*. Cambridge: Polity Press, 1994. P. 110–173.
35. *Luhmann N.* *Essays on self-reference*. New York: Columbia University Press, 1990.
36. *Lynch M.* Against reflexivity as an academic virtue and source of privileged knowledge // *Theory, Culture and Society*. Vol. 17. No. 3. 2000. P. 26–54.
37. *Mulkey M.* *Sociology of science: A sociological pilgrimage*. Milton Keynes, Philadelphia: Open University Press, 1991.
38. *Nagel E.* *The structure of science: Problems in the logic of scientific explanation*. Indianapolis and Cambridge: Hackett Publishing Press, 1979.
39. *Nola R.* The strong programme for the sociology of science, reflexivity and relativism // *Inquiry*. Vol. 33. No. 3. 1990. P. 273–296.
40. *Pecheux M.* *Language, semantics and ideology*. New York: St. Martin's press, 1982.
41. *Platt R.* Reflexivity, recursion and social life: Elements for a postmodern sociology // *Sociological Review*. 1989. Vol. 37. No. 4. P. 636–667.
42. *Schutz A.* *Concept and Theory Formation in the Social Sciences // Philosophy and Methodology of the Social Sciences*. Vol. 1. *Canons and Custodians: Scientific Inquiry in the 20th Century / Ed. by M.J. Smith*. London, Thousand Oaks, 2005. P. 341–357.
43. *Tucker K.H.* *Anthony Giddens and Modern Social Theory*. London, Thousand Oaks and New Delhi: Sage Publications, 1998.

This document was created with Win2PDF available at <http://www.win2pdf.com>.
The unregistered version of Win2PDF is for evaluation or non-commercial use only.
This page will not be added after purchasing Win2PDF.